

Николай Матвеев

Николай Матвеев

3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48711306
ISBN 9785005082046*

Аннотация

Перед вами третья книга Николая Матвеева с символичным названием «3». И это не просто порядковый номер книги, это три истории, полные переживаний и внутренних конфликтов, но все они призывают прежде всего разобраться в себе и в причинах, которые толкают нас на те или иные поступки. И все они объединены временными отрезками, до – точка невозврата – после. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Такое предисловие	5
4312	8
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Николай Матвеев

© Николай Матвеев, 2019

ISBN 978-5-0050-8204-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Такое предисловие

Перед вами моя третья книга, посвящённая нашему времени, тем людям, которые были на сломе эпох, людям, которые сломались, но нашли в себе силы изменить себя. Удалось ли это героям этой книги, решите сами. Но они старались, очень старались...

В этой книге так же много музыки, особенно, в повести «Печальная песнь», которая так же пестрит цитатами исполнителей и авторов русского рока. Все цитаты, вплетённые в текст, являются безусловной интеллектуальной собственностью их авторов и приведены в повести исключительно с целью передачи эмоциональных переживаний героев и служат некими маячками для цепочки сюжета. Кстати, «Печальная песнь» неспроста завершает книгу, хотя по логике, должна бы быть на первом месте. Просто в данной повести много мрака и много чёрного, того, что может реально отпугнуть от дальнейшего прочтения, того, что не должно присутствовать в жизни вообще! Поэтому, я оставляю для читателя выбор, если кто-то не сможет читать о тех вещах, что там происходят, то пусть лучше не сможет дочитать до конца, чем пропустить это мимо. Ведь иногда пропустить что-то мимо, это просто способ сделать вид, что ничего нет, что люди не падают на дно, что люди не тонут в болоте. Именно из-за неё я ставлю возрастной ценз 18+, хотя местами там

должно быть и за 21. Так что, перед прочтением отбросьте всё, что было раньше и спросите себя, стоит ли.

Теперь о людях.

Я очень благодарен своей жене – Марине, оказывающую мне поддержку в творчестве и за советы, касающиеся некоторых моментов в рассказах, за идеи, которые она мне предлагает в качестве историй. Рассказ «Гербарий» как раз предложенная ею мысль о нашей жизни и осторожности при выборе шагов. Ещё Марина помогала мне с оформлением обложки этой книги.

А так же нашей дочери – Алтее, которая проявляет неподдельный интерес к моим рассказам и просит рассказать их ей.

Елена Веткина – мой преданный читатель, своими отзывами вдохновляющая меня на новые творческие планы.

Юля Гусарова – человек который поддержит и может придать новый импульс! А ещё она невольный инициатор написания той самой повести «Печальная песнь».

Ангелина Бабкова – внезапно появившаяся, словно звёздочка на сумеречном небе, натолкнула на создание повести 4312, спасибо ей за то, что я однажды посмотрел на мир чуть-чуть иначе.

Саша Тихомиров – куда же без него! И хоть Саше всегда очень много, его поддержка на ранних этапах была просто неоценима и, наверное, являлась определяющей в то время! К сожалению, сейчас мы очень редко встречаемся и уже, на-

верное, столетие не пили вместе чай!

Спасибо всем, кто мне оказывал поддержку, спасибо тем, кто прочитал мои книги, спасибо даже тем, кто их не прочитал! Однажды мир станет немного другим и, я надеюсь, что капелька моей заслуги в этом будет тоже.

И не забудьте, я – #ЧитаюКолю

Вечер. Уж солнце садится, прячутся птицы, длиннее становятся тени, короче становятся звуки, того и гляди, на небо из мутной реки, что течёт под окном, вдруг вынырнет шустро луна. Склоняется день, под тяжестью прожитых, одинаковых, словно армия клонов, часов, уж скоро стемнеет, уж скоро. А мне ещё нужно успеть закончить строгать, ещё нужно успеть доделать работу. Я не люблю оставлять на потом то, что можно сделать сегодня, сейчас. Иначе даёшь себе шанс не успеть, даёшь себе шанс оправдаться, даёшь себе шанс не вернуться, забыть, изменить и вместе с тем – потерять. Да, жизнь такая, нельзя себе давать поблажек, нельзя, иначе можно вдруг остаться без всего, остаться с деревом один на один, остаться в куче стружек и опилок, словно папа Карло, словно дровосек без сердца, словно сам, как Буратино. Вечер, снова вечер, теперь уже три тысячи четыреста двенадцатый. На руках мозоли, а впереди ещё Бог знает сколько дней и вечеров, сплошными вереницами порвущими порядки всех календарей на свете. Я верю, что мне ещё удастся вернуть своё время, получится ещё что-то вернуть. Пока что я верю, а значит, я продолжаю работать, пилить и строгать, строгать, пилить, шлифовать.

Я вырезаю из ольхи кита, она податлива и нежна, словно девушка, такая разная, такая гладкая, с ней нужно обращаться-

ся правильно, чтобы не треснула, как жизнь. И это мой девяти-
сотый кит, почему-то я вырезаю его из ольхи, хотя соби-
рался вырезать каждого сотого из берёзы. Берёза – она заме-
чательная, она твёрдая и плотная, отлично режется и шли-
фуется. Предыдущие киты из берёзы получились очень глад-
кими, такими нежными, как девичья кожа, мне удались мои
берёзовые киты. Они стоят вон там, на подоконнике, я лю-
буюсь ими, когда просыпаюсь, когда ложусь спать, когда ле-
жу на полу и в кошмарной апатии, весь в опилках и стружке,
пытаюсь вспомнить жизнь. Ту жизнь, которой больше нет,
да и не будет, которой, может быть, и не было-то никогда.
Но всё ж она была, я помню, всё ещё её я помню, она бежа-
ла, словно ветер по лугам, порхала, словно бабочка, влеко-
мая цветочным ароматом, она смотрела мне в глаза, она бы-
ла со мной, и рядом, и во мне. Её я помню, потому что пом-
нить мне уж больше нечего, одни резцы, болванки, да опил-
ки. Да вот закаты, что с каждым днём всё бесконечнее и всё
краснее, словно в венах, молоком свернувшаяся кровь. Я на-
конец закончил на сегодня. Мой кит ольховый, он прекра-
сен, осталось только шлифовать, наждачной бумагой сред-
ней, после мелкой, а потом очистить от древесной пыли и по-
крыть прозрачным лаком, чтоб улыбался мне ольховый кит,
стремящийся поймать на небесах хоть что-то. Я представлял
его себе, выпрыгивающего из толщи океана, чтоб дотянуться
до блестящих звёзд, чтобы поймать мгновение полёта, чтоб,
может, попытаться, обрести вдруг крылья! И вот он, точно

так, как я его и видел. Быть может, в нём себя я видел?

Бессчётное количество ночей назад, я был дождём, я проливал на землю воду, я окунал во влагу и расстилался океанами, морями, я жил и жизнь дарил, я воду лил, и вот, себя я чуть не утопил. Я променял однажды кудри светлые на чёрные, как смоль, прямые, на сахар губ чужих и росчерки ночные звёзд, в безлунном небе остывающей планеты, в крошечной тьме кусающей зимы. И ты узнала, распахнула настежь окна, и ты вдыхала колющий мороз, ты не кричала, не вопила, ты даже не спросила «почему», наверное, и так всё было ясно. Ты говорила с небом, может быть, ты говорила с темнотой и звёздами ночными, а после, медленно закрыв окно, спать позвала, другое дав мне одеяло. И мы смотрели сны, в других мирах, с тобой, в ужасно разных, совершенно не похожих. О чём те были сны и были ли они, быть может, это было просто небо потолка? И мы молчали, мы молчали до утра, а после ты сказала, что простишь меня, когда ты встретишь тысячу китов, собрала вещи, помахала мне рукой, воздушный мне послала поцелуй и, вышла, словно в океан. А я смотрел на дверь, распахнутую, слушал как твои шаги стихают и ждал, всё ждал, когда же долетит и до щеки коснётся, твой нежный и воздушный поцелуй. Я так и не дождался, ко мне он так и не добрался, я так и не узнал, каков он. А после как-то всё пошло наискосок, неправильно всё как-то. А ты звонила, спрашивала, как дела, и повторяла всё про тысячу китов. Я думал, что сойду с ума, я видел днём

твои черты, а ночью смех той, чернобровой дьяволицы. И я укрылся, заперся в квартире, смотрел кино, ходил на ненавистную работу, читал газеты и немного новостей. Я на твои звонки не отвечал, с тоской лишь всё смотрел на фото в телефоне, когда ты мне звонила. А сам я не звонил тебе, ломая иногда себе не только пальцы, чтоб не набрать твой номер, чтоб не броситься в омут, ведь тысяча китов...

И тут я понял, что ведь всё в моих руках, вот в этих, что тебя не знают уже несколько, как кажется, столетий. И я пошёл за книгами и за резцами, я выбрал дерева кусок, сломал в соседнем парке сук сосны и принялся работать. И первый кит, он был коряв, как будто бы изранен, совсем и не похожий на кита, ну, только если малость. Но я был рад, я шлифовал его всю ночь, как одержимый, как маньяк, я чувствовал, что стал на шаг, из тысячи, но ближе, к тебе, я понял, что важна не длина пути, а то, что ты готов его пройти. Теперь я был готов, я сделал первый шаг! И понеслось... я больше всё читал о том, как надо резать, как правильно держать резец, как нежно шлифовать, будто бы девушку, я представлял себе тебя и, кажется тогда, я портил некоторых из моих китов. Я узнавал о древесине, вот, например, уже к третьему своему киту, я узнал, что лучше всего мне было начинать, да и продолжить тоже, с липы, она обладает мягкой, вязкой, однородной структурой древесины, прекрасно для набития руки, ведь режется отлично вдоль и поперёк. И я бежал и покупал её! А вот однажды, я решил, что сделаю кита из топо-

ля, я очень аккуратно с ним работал, я был внимателен, сосредоточен, но, увы, мой кит вдруг треснул, мне показалось, что он даже уронил слезу, но приглядевшись, я увидел – это стружка. То был бы мой пятнадцатый млекопитающий, которого я сделал собственными, замозоленными и порезанными, и с занозами руками.

Однажды, на работе, в кругу своих коллег, когда мы выставляли на прилавки банки с говяжьей тушёнкой, я обмолвился, что вырезаю из дерева фигурки, и один из них, как показалось, в шутку, вдруг попросил для своей племянницы вырезать зайца, ну того, за которым волк гонялся в мультфильме. Я согласился попробовать, тем же вечером раздобыл пяток рисунков с этим зайцем, выбрал там, где он с каким-то кубком, почему-то и принялся за работу. К следующей своей смене я закончил, вроде бы прилично получилось, конечно, без изюминки, я это видел, но всё же очень даже ничего. И я принёс ему ту фигурку, а он глядел на зайца, долго-долго, вертел в руках, тихонько гладил, громко, с нескрываемым восторгом он меня благодарил, ушёл в раздевалку и вернулся с деньгами. Он вручил мне деньги, сказал, что это круто и сделал следующий заказ, он попросил для тёщи что-нибудь «такое», а что, коллега уточнять не стал. Через полгода я ушёл с работы, потому что изготавливать на заказ маленькие деревянные игрушки было выгоднее, интереснее и, гораздо приятнее, и, даже ближе к тебе. И я не забывал тебя и, никогда уже не забуду, ведь тысяча китов мне будет

о тебе напоминать всегда.

Я вошёл в новый график – четыре дня я вырезаю на заказ и на продажу впрок, а три дня я вырезал тебе китов. И вот я до сих пор в этом графике, я работаю и мне это нравится, я люблю дерево, я люблю китов, я люблю тебя. И вот уже я на финишной прямой, перевалил рубеж, шагнул в последнюю сотню и, я всё ближе к твоему прощению, всё ближе к тому, чтобы тебя обнять, чтобы прикоснуться губами к твоей щеке, я всё ближе к тому, чтобы выпустить на волю тысячу «прости», чтобы выпустить на волю тысячу китов! Если всё бросить и рвануть в конечный спурт, я думаю, что смогу завершить всё где-то через год, плюс-минус. Но я не тороплюсь, я не хочу ошибок и кривых китов, я хочу красиво и, чтобы все неповторимы, словно все эти дни, словно все эти месяцы, как годы, которые я посвятил этим китами, которые я посвятил тебе, которые, я посвятил себе! А ты звонила мне, я помню, где-то после пятого кита, который, будьто бы я знал, был со слезой, я видел, как на экране моего телефона высветился твой номер. И я смотрел, смотрел и боялся. Вдруг ты мне скажешь, что ты передумала, вдруг ты мне скажешь, что хватит и трёх, а я уже изготовил пятерых. Или ты скажешь мне, что китов должно быть десять тысяч, а может быть ты скажешь, что совсем меня ты не простишь. Тогда я не подошёл, тогда я не взял трубку, тогда я не ответил, тогда я не смог работать. Три дня. Даже на работе. А потом я купил кусочек черешни и начал резать нового кита. Я

работал над ним две с половиной недели, прерываясь только на физиологические нужды, да посетить проклятую работу. Он вышел очень красивым, он был совсем как живой, если представить себе такого маленького, двадцатисантиметрового кита. И вот тогда я понял в чём вся суть искусства, его суть в выплеске того, что внутри, его суть дать тебе лёгкий толчок, или крепкий пендель под задницу! И главное, чтобы была душа, душа в которую ты вложил свою боль, свои страхи, свои радости или любовь. С тех пор мои киты стали другими, они будто ожили, они будто бы стали частью меня, они стали мне помогать. Однажды, где-то в третьей сотне, я взял заготовку, взял резец и... вдруг понял, что не могу, вдруг понял, что не могу влить в этот чурбачок хотя бы капельку своей души, хотя бы чуточку себя, хотя бы толику переживаний, хотя бы пёрышко души. И я так и сидел с резак в одной руке и с баклушей в другой, смотрел в окно, на тлеющий закат, смотрел, как пролетают листья, что падают с осеннего клёна, и думал, что так же лечу, неизвестно куда, неизвестно зачем, разве затем лишь только чтобы сгнить где-то, в земле, усыпанным стружкой и тонной разных пород деревянными китами. И вот, когда даже луна завершила свой путь, я подпрыгнул от неожиданности, за моей спиной раздался стук. Я оглянулся и увидел, как со стеллажа упал мой кит, тот самый, первый, корявый, некрасивый, шершавый, с неаккуратным хвостом и, теперь со сломанным плавником и трещинкой на спине. Наверное, я не так его хранил,

наверно он пересох, наверно он хотел мне что-то сказать. И я понял, что. Утром я отправился в турфирму и купил себе путёвку в Турцию. Через три дня я лежал на берегу Чёрного моря и думал о тебе, думал о китах и думал о себе. И море было ласковым, как некогда твои руки, и солнце было жарким, как некогда твои губы, так же кожу мою обжигали. Тот кит теперь, обработанный лаком, с трещиной на спине, стоит на подоконнике, как напоминание, как отправная точка, как вдохновитель, компас и, как друг. Я исключил его из тысячи, теперь он нечто большее, примерно, как любимый пёс. Теперь он машет мне ногами своим обломанным плавником и подмигивает, я уверен, хоть этого и не видно ногами, когда я не знаю, что делать, когда я теряюсь. Ведь так нелегко оставаться всегда в колее, бесконечно ваять однообразие, пусть и с явными, или не очень, различиями. Тяжело видеть цель, если цель – всего лишь твоё видение решения чьей-то прихоти. Хорошо, что у меня есть тот самый первый кит.

Однажды, продав за приличные деньги семью оленей, которых заказали мне через интернет, я шёл по Лиговскому проспекту и, вдруг понял, что я же никогда не надевал костюм! То джинсы, то шорты, ну максимум – спортивный, но чтоб вот так – пиджак, со стрелкой брюки, белая рубашка и ботинки, лакированные непременно! И я свернул в торговый центр, я шлялся по всем магазинам пока вдруг не увидел то, что надо! И я увидел в зеркале другого человека! И я купил себе костюм, я в нём пошёл домой, я чувствовал, что

где-то что-то может, упускаю, я знал, что мир гораздо шире, чем твои киты. Я завернул в кафе, сел у окошка, просто повезло, я заказал себе самый крепкий кофе, который был у них и я задумался о том, как изменился мир, как стали ярче люди, как выше светит солнце, как много вдруг вокруг красивых лиц, как стал вкуснее кофе, чем тогда, почти три тысячи ночей назад! И в мире ещё стало на семьсот четырнадцать китов из дерева, но больше.

Однажды, вдруг, я был охвачен паникой, я вдруг подумал, что не смогу, что не успею изготовить тысячу китов! И я вскочил, посреди ночи, оделся, выбежал во двор и стал смотреть на небо, в поисках тех звёзд, которые ответят мне на все вопросы, которые укажут мне мой путь иной, которые, быть может, мне подарят тишину, покой. Я небо звёздное испепелял, я крыши исцарапал взглядом, а после, как на небе занялась заря, я побежал за деревом, за заготовками, а заодно, купил себе станок, чтобы ускорить процесс формирования образа кита. И в следующую неделю, я сделал два десятка одинаковых, малюсеньких китов, самых простых, без всяких изворотов тела и слёз из глаз. Простые, ровные киты, почти без обработки наждачкой, почти без души. А после, я сидел среди стружки, в древесной пыли, с всклокоченными волосами, с занозами, и смеялся. Смеялся сам над собой, смеялся над тем, что боялся опоздать туда, куда опоздать невозможно.

И я считал своих китов, как дни, что мне остались, или

отмеряны судьбой, я заносил в тетрадку все свои успехи, записывал и неудачи все, я зарисовывал эскизы, когда мне ночью вдруг не удалось заснуть, или тогда, когда,пил крепкий чай, лежал весь в стружках, на полу, разглядывая звёзды, пытаясь угадать, какую этой ночью выбрала бы ты. Наверное, угадывал, а может – нет. Скорей всего, конечно же, – нет. А еще, я завёл себе страничку в соцсети, я там под псевдонимом. Я там «Тысячный кит» и у меня всего один друг, он – Синий кит. Он рассказывает мне о китах, рассказывает о морях и океанах, пишет, что мир под водой гораздо спокойнее и тише. Я не знаю кто там, за ширмой Синего кита, у которого в друзьях один лишь тысячный кит, но он говорил, что будет проплывать в Норвежском море где-то через полгода. Это было пятьдесят китов назад, примерно. И он приглашал меня там повидаться. А я не знал, что делать, верить или нет, собраться, бросив всё, в Норвегию, или продолжить планомерно изготавливать китов, три дня, через четыре. На всякий случай, я сделал себе визу и паспорт заграничный обновил, и вот, когда мне Синий кит вдруг написал, что едва ускользнул сегодня от китобойного судна, во мне что-то треснуло, порвалось, во мне что-то ёкнуло и где-то внутри встрепенулась тревога, я вдруг осознал, что это ведь может быть первый и последний кит, которого я знаю лично, ну или, мог бы знать! Тем же вечером я купил себе билет до Осло, я стал собирать в дорогу вещи. Собственно, собирать мне было нечего, не стану же я брать с собой, на встре-

чу с Синим китом свой костюм. Пришлось пойти в магазин за новой курткой, за парой брюк, за новыми ботинками, конечно же, носками, конечно же, ещё и свитер, конечно же ещё тельняшка и, новый телефон, ведь старый иногда уже отказывался принимать звонки. Да и, наверное, я сделаю десяток фото... Забросив это всё домой, я вышел на прогулку, я вышел посмотреть на мир, на эту осень и первые упавшие листья берёзы, на серый асфальт, на, пока что тёплые лужи, на то, на что можно было бы и не смотреть. И я ведь почти не смотрю, я занят другим, у меня другой смысл жизни, у меня другая цель. И я, озяб под вечер, зашёл в какой-то ресторан, я заказал себе какой-то азиатской пищи, которую мне предложили кушать палочками, а я их даже не умею правильно в руках держать, ну хорошо хоть, принесли ещё и вилку, могу согреться, подкрепиться, ещё я заказал большую чашку кофе. Откуда я всегда заказываю кофе? Ведь дома я пью чай или простую воду. И я глядел в окно, на мелкий дождь, на проплывающие мимо, по лужам, машины, на плывущих по тротуарам людей. И вдруг, я услышал такой мягкий и тёплый голос:

– Разрешите к вам присесть?

И я ответил, что конечно, почему бы нет, ведь я же всё равно один, а здесь два стула. И она села напротив, такая вся уютная, такая излучающая свет, с коричневыми волосами, с ногтями красными и губками, как у той куклы. Она пила какой-то коктейль и глаза её карие блестели, как звёзды ве-

черные. Она что-то без умолку болтала, но её так хотелось слушать, словно мамины сказки, долгими ночами, снежной зимы. Ей тридцать один, мужа нет, был, да сплыл, но она виновата сама, поддалась уговорам какого-то дальнего брата, когда хоронили прабабку, в деревне, за девятьсот километров отсюда, а потом, зачем-то всё ему рассказала. Сначала он не разговаривал почти что месяц, а после сам связался с рыжей, на работе. Так и пошло, она с одним, а он с другой, так и пришли к тому, чего быть не должно. И вот ведь – смерть разъединяет людей, но кто бы мог подумать, что вот так. Она сказала, что у меня интересные пальцы, а я сделал ей комплимент по поводу её волшебных глаз, казалось, что она мне не поверила, тогда я добавил, что мне очень нравятся её волосы и коснулся их рукой, она сделала едва уловимое движение головой и прислонилась виском к моей ладони. Глаза её закрылись, она глубоко вздохнула и сказала: «Спасибо». И это «спасибо» было просто волшебно! Такого «спасибо» я, наверное, раньше никогда не слышал. И мы гуляли до утра, делились тем, что сами отобрали у себя, а где-то, перед пасмурным рассветом, я рассказал ей про тысячу твоих китов. Она молчала долго, а после почему-то обняла меня и сказала, что я молодец, сказала, что моя работа стоит того, чтоб её делать. Она ушла домой, и я ушёл домой, мы все ушли домой, у каждого дом свой, а разница лишь в том, твой из чего построен. Наверно, мой построен из надежд и несусветной глупости. И я пришёл домой, копаясь

у двери в кармане, вылавливая там ключи, достал какую-то картонку, прямоугольную, с тиснением красивым и, именем Елена, и фамилией Белова, и профессией дизайнер, и с номером её телефона. Банально, Боже мой, но ведь со мной же раньше не бывало! Стучалось громко сердце и прорезались где-то за спиною крылья! В тот день япил, наверно, самый вкусный чай! Тогда я сделал этого кита – глядящего будто назад, глядящего будто из тёмной толщи воды, туда, где яркий светит свет. И я вдруг понял, что это – первая самка в той стае, что стоит на полках и прячется в чулане. Я сделал её из ореха, я потратил на неё пять полных дней, я шлифовал её до блеска. А потом я позвонил Елене. А потом ещё раз ей перезвонил. И третий раз, через час где-то. Она мне так и не ответила. Не знаю почему, быть может, я просто опоздал. А через день я улетел в Норвегию.

В самолёте я читал Мураками. А раньше, я не читал, ну то есть, вообще не читал, я считал это пустой тратой времени, я засыпал, по буквам бегая глазами, я даже не внимал, что я читаю. Я раньше думал, что кино смотреть полезнее и интереснее, особенно те фильмы, где летали в космос. И вот он – космос, почти рядом, всего-то чуть повыше, чем крылья, что несут меня по небу, навстречу Синему киту! И я смотрю в иллюминатор, и, кажется, что я почти что вижу звёзды, и кажется, что я потрогать их уже могу, и кажется, что жизнь – такой пустяк, когда над головой бриллианты звёзд. И я читал «Норвежский лес» когда устроился в гости-

нице, когда упало солнце где-то в фьордах. Почему я выбрал именно его, когда скитался по книжному магазину, выискивая книги о резьбе по дереву? Не знаю, наверно, так или иначе, я знал, что вдруг однажды полечу в Норвегию, к киту. Я начал верить в то, что звёзды могут сойтись, я начал верить в промысел и Великий замысел, мне кажется, что я даже начал верить в любовь. И кажется – а причём тут Норвегия?

Где-то, в прошлой жизни, мы обнимались в темноте кинотеатров, смотрели как целуются придуманные люди, с придуманными чувствами, конечно же. И мы возвращались домой и, между нами тоже что-то было, конечно же, иначе, для чего вся эта тысяча китов... но верили ли мы во что-то, верили ли мы в то, что между нами было? Верили ли мы в себя? И верили ли мы друг в друга?

Потом было утро, зябкое норвежское утро, тихое, словно из другого мира. Я взял билет до города Берген, сел в автобус и снова зачитался Мураками.

Двести четырнадцатый кит был из дуба, как мне утверждали, из самого сердца Норвегии. Тогда я не стал спрашивать где, по их мнению, находится то сердце. Сейчас же, я чётко вижу, что вот оно – сердце, это лесотундра, состоящая из берёзы, ольхи, дубов и сосен! Мне захотелось здесь остаться, выскочить из этого автобуса, сбежать во тьму лесов, стать деревом – берёзой или дубом. И может, рано или поздно, из моей древесины кто-то тоже вырежет кита! Быть может стоит перебраться сюда жить? Ещё тогда я получил

твоё письмо по электронной почте. Ты в нём писала, что жизнь такая странная, ты в нём писала, что совсем не знаешь где я, что делаю и попросила что-нибудь тебе ответить, ведь так тоскливо смотреть на тучи, рвущие на части небеса и слушать не в наушниках на всю катушку песни. А я молчал, тебе я не ответил, я помню, что тогда как раз читал, как делать крепкие, надёжные курительные трубки. Теперь их покупают очень хорошо, за, между прочим, очень неплохие деньги.

Берген встретил меня дождём, будто мало мне было его в Петербурге. Я немного погулял по городу, под моросью, словно иглами колющей лицо, а к вечеру я пришёл в тот hostel, что забронировал ещё в Петербурге. Я грелся и читал, читал и грелся, потом появился мой сосед, забавный парень из Ирландии, мы с ним немного пообщались с помощью жестов и Google переводчика. Его звали Грэгори, он собирался объехать весь свет, зарабатывая на билет, в той стране, где будет жить. Грэгори был твёрдо уверен, что ему хватит его знаний, а знал он английский, как сварить суп с фрикадельками и как узнать время на часах. Он хотел угостить меня элем, но я не пил уже давно и, как-то даже не хотелось. И я не спал в ту ночь под резкий ирландский храп, чувствуя алкогольные пары, глядя, как дождь барабанит в стекло. А утром вдруг кончился дождь. Солнце, конечно, так и не появилось, но стало как-то веселее, что ли... Я ушёл, когда Грэгори ещё не проснулся, я оставил ему деревянный

брелок в форме кораблика, что является эмблемой Петербурга, я вырезал его, пока ждал для китов сибирский кедр. Берген без дождя и Берген в дождь – это почти что одно и то же зрелище, разница только в сухости одежды. Я добрался до порта и пошёл к рыбацким корабликам, я обращался к капитанам с единственными двумя норвежскими словами «anskue hval», но все мотали головой, при этом кто-то улыбался, кто-то отмахивался рукой, а кто-то крутил у виска морщинистым указательным пальцем. И вот осталось только два кораблика, две капельки надежды, на первом мне не ответили вообще, а на втором я вдруг увидел голую женщину, совсем уже не молодую и, чувствуется, что совсем чужую, чужую даже для хозяина этой посуды, не то что для порта или даже города. Она спускалась по трапу, с бокалом в руке и что-то бормотала. Я не стал проситься на тот корабль, я развернулся и пошёл с причала прочь, что ж, в Норвегии есть ещё порты и причалы, вот хотя бы Буде или Вардё, хоть где-то, да я найду того, кто мне поможет встретиться с китом. Я шёл, понунив голову, пиная камушек, по улице, когда меня кто-то тронул за плечо, мне показалось тогда, что так за плечи трогают отцы. Мне показалось, хотя я этого не знал, как и не знал я своего отца. Мне говорила мама, что он был моряком и он погиб, спасая свой корабль. Быть может, я ей верил, ведь не было причин не верить. Ведь не было причин.

Я оглянулся, сквозь норвежский морок пурпурного дня, мне улыбался старичок. Лицо его в морщинах и бороздах

времени, редкие серые волосы кудрявились, выглядывая из-под фуражки, которая, как кажется, пережила гораздо больше, чем одну войну.

– Hello! Excuse me, I heard you want to see the whale? – Сказал просоленным голосом дедушка.

– Yes I want it very much, – ответил я, наверно, вспомнив какой-то школьный диалог, заученный, рассказанный в каком-то классе.

– I can help you. Follow me. – Он просто развернулся и куда-то зашагал. Я пошёл за ним, мы возвращались в порт.

И мы пришли к тому кораблику, где мне никто не отвечал, а рядом покачивалось всё то же судно с голой женщиной на борту. Забавно, но когда я взглянул на него, по трапу вновь спускалась та самая дама, в халате, который то и дело распахивался от несильного, в общем-то ветра. Неприятная в своей естественности и вместе с тем, чем-то заоражающая картина. «Эй!» – окликнул меня старик, я вздрогнул, оторвался от этого зрелища и шагнул на борт кораблика по имени «Кøуе». Корабль был небольшой, где-то внизу урчал двигатель, в рубке, помимо штурвала, каких-то приборов, рубильников, компаса, кнопок и датчиков, стоял обеденный стол, прикрученный огромными болтами к полу, буфет у задней стенки, с засовами, наверное, чтобы во время качки из него ничего не выпало, и что-то бормотало радио, подвешенное над буфетом. На столе стоял электрический чайник, база которого тоже была прикручена к столу,

так же, деревянная сахарница, полагаю, тоже прикрученная саморезом к столу, три подозрительно похожих на советские подстаканника, наверняка тоже как-то прикрепленных к столу и деревянный мини-бочонок, в котором лежали пакетики с чаем.

– We leave in an hour, – сказал капитан, когда я разглядывал причудливый контейнер для чая.

– Что? – переспросил я машинально, не очень поняв, что будет через час.

– Русский?! – Воскликнул дедушка с забавным акцентом, и лицо его озарилось, словно майское утро, а морщины, кажется даже разгладились.

– Да, – ответил я, придя в некоторое замешательство.

– Привет! Я – Мортен, я капитан этого корабля, я наполовину русский! Если тебе удобно, можем общаться на русском. – Капитан подошёл ко мне и обнял. Я смешался ещё больше.

Сначала я купил себе какие попало резцы, FIT, по-моему, я вырезал ими, наверное, пять китов, я резал и сдирал кожу с пальцев, бывало портил заготовку, или почти что готового кита, думая, что руки у меня растут из совершенно неправильного места, уже успел упасть оставшимся наверно даже, вострепёнувшимся было, духом. Но после, я прочитал что плохой инструмент, он хуже, чем плохие руки, он уничтожает мысль, уничтожает желание, стремление, всё убивает плохой инструмент в руках. Тогда я купил себе набор Robert

Sorby, и руки сами начали летать по материалу, я сразу же испробовал их на буке, вырезал брелок в виде кота, получилось просто здорово! Причём, могу сказать это и сейчас. Спустя ещё десяток китов, я заказал себе резцы Narex, с тех пор моим рукам покоя нет и нет почти порезов, ран, а те, что есть, те точно из-за кривизны моих рук, или мыслей. Когда я создаю китов, я думаю о тебе. Как ты сейчас, считаешь ли остатки дней до тысячи, в обратном порядке, слушаешь ли музыку сейчас, какие песни тебе нравятся теперь, всё те же, или что-нибудь иное, другое, жёсткое, красивое, лиричное, а может быть, ты перестала слушать песни, всю эту дребедень, до, фа, ми, соль... Я думаю во что же ты теперь одета, какие вещи любишь ты, какая мода, я фантазирую про обувь на твоих красивых ножках, я выбираю для тебя бельё, я поправляю шаль на твоей шее, я режу палец и смотрю на кровь, я слизываю капли, чтобы не упали на пол, чтоб не забрызгали китов. А после чай и дрожь в руках, и долго-долго взгляд блуждает сквозь открытое окно, с небес срывая звёзды, стирая глупую луны ухмылку, воздухом в лёгкие, кислородом в мозги, не пробить стену тысячи китов, глушить вопросы и на них ответы... Главное, чтоб не кончался в этом мире чёрный чай.

И море было серым и спокойным, наш «Køye» шёл вдоль берега, вздымая небольшие волны, и с неба падал мелкий дождь, а тучи угрожали чем-то большим. Мортен снова молчал, он сосредоточенно смотрел в окно и крутил штурвал,

я слышал звук мотора, работал он ровно и красиво, Мортен успел мне рассказать, что совсем недавно он чинил мотор вместе с Коли. Кстати, Коли – механик, он как раз сейчас был в машинном отделении. Коли, он забавный, молчаливый парень, ему наверняка нет ещё и тридцати, его руки черны от масла, его щёки все в царапинах от бритвы, в его ушах по две серьги, а в глазах какая-то вселенная, не меньше. Он редко что-то говорит, но если прислушаться, то можно слышать, как он что-то постоянно шепчет, он разговаривает, видно сам с собой, или с вселенной. Ещё он постоянно обо что-то спотыкается или бьётся головой, или плечами, при этом бормоча, наверно, посылая неведомо кому, проклятья. А Мортен при этом улыбается доброю улыбкой, глядя вслед Коли.

И я вдыхал холодный воздух моря, я закрывал глаза, я предвкушал встречу с китом, хотя и понимал, что вероятность встретить Синего кита в мировом океане ничтожно мала, наверное, даже меньше, чем вероятность быть убитым чёртовым метеоритом. Мы так стремимся встретить кого-то на Земле, но всегда будем раньше раздавлены космосом, его чёрным безмолвием вечности.

А Мортен раз в полчаса глотал из маленькой и плоской бутылки, что-то, янтарного цвета. Я не пил, чему он очень удивился, он считал, что все русские непременно пьют, причём пьют много, особенно в море. Я не стал его переубеж-

дать, потому что не знал и сам, быть может, это так и есть, я же могу отвечать лишь только за себя. Я перестал пить хоть что-то, что содержит алкоголь, когда уволился с работы, тогда мне это стало не нужно вообще. Был даже забавный случай, спустя где-то полтора года, жарким летом, я решил купить себе бутылочку кваса, выпил пару глотков и вдруг почувствовал, будто осушил уже бутылку пива, я пришёл к китам и смотрел на них, стоящих на своих местах, таких... деревянных. Таких, как я – болванчик, шаркающий по жизни, без конца и без начала, вытесанный, словно деревянный Голем, не отшлифованный, а просто вышвырнутый в мир, с занозами, задирами в душе, с неверно вытесанной кем-то мне судьбой. Вот таким дурачком я себе показался. Больше я не пил даже квас.

Мортен был сосредоточен, дождь кончился, но поднялись небольшие волны, судно качало вверх-вниз, и Мортен что-то бурчал себе под нос, закулив какую-то страшно вонючую гадость.

– Что значит, что вы на половину русский? – Спросил я капитана, морщась от запаха.

– Мой отец был русским моряком, он воевал с немцами, его корабль потопили недалеко от Бергена, и он едва спасся, доплыл до берега, в пяти километрах от города, там его подобрал рыбак, а у того рыбака была дочь.

– Ваша мама? – зачем-то встрял я.

– Нет, она тогда была слишком молода, чтобы быть моей

мамой, но зато она совершенно замечательно умела торговать. Она ездила с двоюродным братом в Берген, продавать рыбу и всегда привозила больше денег, чем ожидал отец. Однажды с ней приехала красивая иностранка и долго о чём-то говорила с рыбаком. Во время их беседы, мой будущий отец колол на дворе дрова и, моя будущая мать, то и дело глядела в окно, заглядываясь на человека с топором. Перед отъездом она попросила с ним встречи. Уехала она уже после заката, а через неделю она вернулась и попросила моего будущего отца уехать с ней. Вот так примерно.

– Это было во время войны?

– Да.

– То есть, вам сейчас примерно семьдесят лет?

– Это была другая война, а мне сейчас примерно восемьдесят.

– Отлично выглядите для своих лет! – Я действительно был поражён, я бы дал ему на вид не более шестидесяти.

– Это всё море, оно любит тех, кто любит его, – ответил Мортен, глядя в волнующуюся даль. – Смотри! Это не твой?

Он поднял руку и указал за окно. Я вскочил и выбежал на палубу. То, что я увидел, было потрясающе! Вода вздымалась серым пузырьём, затем стекала, обнажая красивую, сверкающую кожу кита! И после бил фонтан воды с шипением починенного крана в кухне. И после кит выныривал почти что целиком, чуть не плашмя валился в воду и плавно, только над водою появлялся полосатый хвост, и грациозно опи-

сав дугу, он уходил под воду, оставляя лишь круги да пузыри. Я был захвачен, словно лётчик, такое зрелище не отпустит тебя сразу, если вообще когда-нибудь отпустит. Спустя минуту или две, здесь время встало, чтоб тоже посмотреть на красоту, чтоб видеть этого кита, он снова появился из воды, он всплыл совсем рядом с нашим судном, которое сбавило ход почти до нуля. И мне так захотелось погладить кита, что я протянул к нему руку, чуть не выпав за борт. Меня схватил Мортен, он улыбался во весь свой восьмидесятилетний рот, лишённый, как теперь я видел, почти что всех зубов. И в третий раз кит показался над водой, уже вдали, уже за пару сотен метров и, как мне показалось, нарочно долго он находился над водой, а после медленно ушёл под воду, всплеснув хвостом морские брызги, наверное, махал мне на прощание хвостом. Я хочу так думать. И это было так.

Мы долго смотрели ему вслед, втроём, Коли вышел из машинного отделения. Наш корабль покачивался на небольших волнах, небо прояснялось, но уже близился вечер.

– А ведь раньше я никогда не видел китов... – задумчиво произнёс Мортен, спасибо тебе.

– Как же так? – Я был сильно удивлён, ведь вот оно, море, вот он – кит!

– Ну, они здесь вообще-то редкие гости. Вот меня удивило, что какой-то иностранец ходит и ищет лодку, чтобы посмотреть на кита, я подумал, что ты что-то может быть знаешь, вот и пустился в эту авантюру. – Мортен снова улыб-

нулся, а Коли что-то выпалил на норвежском и, ударившись головой о проём, выругался и ушёл обратно, в сумрак машинного отделения. — Ладно, Коли прав, скоро стемнеет, пора домой.

Да, теперь можно домой, — Я чувствовал какую-то замечательную лёгкость, словно с плеч моих слетели ангелы и черти, и захотелось очень сильно вырезать кита!

На обратном пути мы болтали о всём подряд, будто бы не видели мы только что кита, на расстоянии вытянутой руки, будто видим их каждый день. Наверное, так выглядит счастье. Мы пили чай, доставая гранёные стаканы из подстаканников, действительно прикрепленных к столу. И когда вечерний сумрак вдруг вспорол солнце, будто красный Каролинг, Мортен сказал, что это хороший знак, он сказал, что если солнце раздует твой парус, то это даст тебе новых сил и удачи. И это повернёт твою жизнь. И я верил ему.

Утро встретило меня солнцем, я глядел на мокрые жёлтые листья, пил горячий чай и думал про кита. Придя в хостел ближе к полуночи, я гулял по Ганзейской набережной — колыбели этого города, осенью она прекрасна, даже ночью, я тут же залез в соцсеть, я думал, может быть там что-то есть, какое-то сообщение от друга или хотя бы, фото. Нет, ничего нового. Я расстроился, лёг спать, но всё не мог уснуть, хотя сегодня я был без соседей, в городе кончались туристы, так же быстро, как кончался сентябрь. Я проснулся сле-

дующим утром, смотрел в окно, пил чай, и часто смотрел на часы, а за три часа до отправления автобуса, который увезёт меня в Осло, на рейс SU 2535 до Питера, с пересадкой в Москве, я вдруг решил сходить в Художественный музей KODE. Это было спонтанно, я просто вспомнил, что читал о нём в рекламном буклете. И я вышел в какой-то нереальный бергенский солнечный свет, я шёл к центру города мимо сонных, медленных прохожих, мимо сонных, стареньких домов, мимо времени, которое, как кажется, здесь тихо шаркает, как призрак Эдварда Грига. Такое у меня было однажды, тогда я обрабатывал тис, аккуратно, напильничком ровнял изгибы плавников, и вдруг, я застыл, кит был прекрасен, хотя и не был доведён до конца, я вдруг заметил, что на тех часах, что за моей спиной висят на стенке, стрелки постоянно показывают одно и то же время, но если приглядеться, то стрелки-то идут, описывают круг. Я почувствовал себя в сиропе времени, мне показалось, что оно лишь выдумка, оно лишь тень, что омрачает наши жизни. Не знаю, что тому виной, летняя жара, страшная увлечённость или действительно какой-то временной излом. Лишь три луны спустя, я понял, что часы не шли, а секундная стрелка в агонии металась вверх и вниз, туда-сюда на две секунды, высасывая из обычной батарейки, последние остатки энергии. А ещё, я вдруг узнал, что прошла неделя, просто прошла, ломая графики и расписания и всё вообще на свете! Да ничего, всё пройдёт, всё так и будет, ничего не изменится, даже если я исчезну

вдруг, без всяких видимых на то причин, даже если я вдруг не завершу мною начатое, даже если завершу, даже если ты простишь, даже если нет.

Однажды, когда я вырезал из осины канарейку, в дверь вдруг раздался звонок, я вздрогнул и долго смотрел на неё, будто мог получить ответ, кто же там, за замком опекаемой дверью. Звонок повторился ещё и ещё, а я всё смотрел на дверь, я уже позабыл, что в эту дверь звонили, я даже подзабыл, когда в неё входил кто-то ещё, кроме меня, я не скажу даже точную дату, когда ты вышла из неё в последний раз. И вот, я встал и тихо подошёл к двери, а в тот момент, когда мои ладони потянулись к ручке и замку, я вдруг услышал тихий голос, который звал меня. И вспыхнул вдруг пожар, вдруг подкосились ноги, вдруг ослабли руки. Я выронил резец от Kirshen, и канарейка улетела, упала на пол, сломала клюв, заплакала, застыла. Я на пол сел, спиной прислонился к двери и закрыл лицо руками. А ты говорила, что знаешь точно, что я там, ведь ты же видела в окошке свет, ты слышала моё дыхание, ты ждёшь меня, ты спрашиваешь у прохожих, может быть кто-то что-то знает обо мне, быть может, кто-то что-то видел или слышал. Но все друзья молчат, отводят взгляд, и все куда-то торопятся сразу и все убегают, держат язык за зубами. Я крепко сжал голову, о каких ты друзьях ещё помнишь, теперь где все они? Друзья выпадали из моей жизни, как листья с осеннего дуба. Один превра-

тился в абсент, другой пропал где-то, служа отечеству, третий вдруг стал бесконечно умён, второе, третье высшее, аспирантура, что-то там ещё... И вот последний, он пришёл ко мне в тот вечер, когда ты провела черту, наполнив мою жизнь китами, а я же думал – пустотой. И он принёс с собой две или три полуторалитровые бутылки, и мы сидели, и я ему всё рассказал, вливания в горло пену и кислую горечь с привкусом хлеба, отнятого у голубей. И вот, заплетающимся языком, завидуя или же злясь, он высказал мне, что будто бы я был не прав, что я бесконечный подлец и скотина, он мне хотел двинуть в лицо, но не смог, упал на линолеум пола, плюясь, матерясь и рыгая. Он вышел тогда в очень светлую ночь, в светящийся в фонарном свете снег, хлопьями падавшем с неба. Зима морозит и воду, и людей. Она была его сестра, я знал это, он знал это, она это знала, а он так хотел быть заботливым старшим братом, что совсем не понимал того, что делает, к чему всё это может привести, что может это всё разрушить. Ты шептала сквозь дверь, что встречаешься с кем-то, ходишь на фильмы, гуляете в парке, живёте пока что отдельно, работаете в соседних кабинетах и пьёте кофе вместе по утрам. Всё как тогда, со мной, всё так же, те же лыжи, та же лыжня, я думаю, что даже то же бельё, но я теперь уж понял, это – не моё пальто. Летели дни и месяцы, текли твои годы, но только для тебя, а для меня теперь время стало китами! А ты всё болтала, что не знаешь, чем я занимаюсь, зачем прячусь, строила гипотезы, одна другой смеш-

нее, и повторяла раз из раза, что давно уже простила, давно уже меня ждёшь. И двери открыты твои, и приготовлен мой кофе, на ключнице для меня есть комплект. И я сидел и слушал, и я не шевелился, и я смотрел в темноту закрытых глаз. И ты ушла. Чуть подождав, я пошёл на кухню, мимо мёртвой канарейки, мимо мастерской, мимо всего, что слышал, я просто скинул с себя опилки твоих слов, я зажёл газ, я поставил чайник на огонь, взглянул в окно, там бледная луна катилась за дома, а город спал. Мне стало легче, ведь я хотя бы знал, что ты меня простишь, как только я покажу тебе всю тысячу китов. Ты есть. Я есть. И есть уже триста семь китов.

Я выходил из аэропорта, ждал такси, смотрел на номера машин, задумавшись о сером небе Петербурга, когда услышал мягкий, тёплый голос, будто бы из прошлой жизни: «Привет». Я обернулся, точно зная, кого я там увижу, и я обернулся, и я не ошибся. Елена виновато улыбалась, она сделала робкий шагок мне навстречу, я улыбнулся, я был рад, а кто бы был не рад?

– Можно с тобой? – спросила она.

– Конечно, если ты вдруг не исчезнешь, – ответил я, и увидел номер машины, названный мне диспетчером. – Садись пожалуйста.

Такси остановилось, водитель выскочил, хотел схватить мой рюкзак, чтоб запихать в багажник, сервис, понимаю,

но я не дал, я возьму рюкзак с собой. Елена села первой, после уселся и я, водитель попросил нас пристегнуть ремни, что мы и сделали, машина тронулась, Елена нежно взяла меня за руку. Мир стремительно менялся, небо становилось всё добрее, такси становилось всё больше, женщины серьёзнее и свободнее, мужчины всё больше расслаивались, беспризорные собаки почти не встречались, а дорога бежала под нами. И сердце стучало уже забытым ритмом, и тепло в руке, и жизнь в тепле, и что-то вокруг нас, и удивительный запах духов. И мы молчим, всё потому, что говорить пока не стоит, надо пережить момент, надо насладиться этим мигом, ведь он уже не повторится, возможно даже, никогда.

И мы приехали, мы вышли из такси, напротив моего подъезда, мы застыли, замялись как-то, но всё же подошли к железной двери, я её открыл, чувствуя что-то доселе не знакомое, а может быть забытое. Когда я нажимал на кнопку лифта, Елена взяла меня за рукав и тихо сказала: «Прости». Я даже думать не хотел за что, я просто ждал, когда придет лифт, немного нервничая и немного не в себе. Приехал лифт, зашли, поехали.

В квартире было холодно, я не закрыл окно, когда спешил в Норвегию, а осень не простила мне этой ошибки, за эти несколько дней, всё так промёрзло, что было здесь едва теплее, чем на улице.

– А у тебя тут холодно, – сказала Елена, снимая куртку и слегка поёжилась, а я заметил, как у неё на ручках пробе-

жали мураши.

– Да, казус приключился. – Я переполнен был досады, нет не то, чтоб я хотел какой-то страсти, я просто понял, что нам обоим хочется тепла и, значит, хочется сбежать отсюда.

– Давай тогда экскурсию отложим на потом, а теперь мы сходим, предложи куда и, я угощу тебя хорошим кофе, – Елена говорила, надевая снова куртку.

– Ты не замёрзнешь здесь, пока я принимаю душ и переодену свитер на рубашку?

– Может быть я погреюсь на улице? – Сказала Елена и я не очень понял её взгляд, то ли страх, то ли интерес, то ли что-то ещё.

– Можешь взять из шкафа свитер и укутаться, я быстро. – Не скрою, было мне немного страшно, вдруг она снова упадёт.

И я помчался в ванную, залез под душ и, торопясь, умылся тщательно.

Переодеваясь я думал о том, что я сейчас будто бы еду по горному серпантину, не зная, сколько мне ещё карабкаться вверх, сколько ещё есть внезапных камней, сколько ещё поворотов и сломанных осей, проколотых колёс, разбитых стёкол. И я подумал, что не стоит нажимать на тормоза, ведь скорость жизни – это постоянная, которая лишь кажется нам разной, а в наших силах нажимая на педаль, успеть впихнуть событий, между остановками.

Я наконец-то был готов, Елена ждала меня в прихожей,

у неё уже был красным кончик носика, хоть она и надела мой свитер, синий, с оленями. И выглядела она то ли замёрзшей, то ли нервной.

– Бежим скорее, – Я воскликнул и открыл двери настежь.

Мы вышли в холод октября, мы взялись за руки и побрели в какой-то ресторан, там пили кофе, говорили о природе, я рассказал ей, что я видел в той стране угрюмой, я рассказал ей, что я встретился с китом! Она смотрела на меня, как на меня смотрела мать когда-то, когда я сочинял о чём-то, а я-то знал, я так хотел, чтоб это было правдою тогда, я точно знаю, что сейчас всё это – правда! Не важно, ведь правда одна и она не изменится от того, что в неё кто-то не верит. А потом Елена отлучилась, и я остался один, я вдруг почувствовал страшную пустоту одиночества, вдруг захотелось схватить её в охапку, и с ней убежать, спрятаться дома, закрыться и в обнимку умереть, не разжимая рук. Она вернулась и, резко начала свой рассказ о том, что не могла ответить на мой звонок, потому что была у очень важного человека, и просит у меня прощения и, словно дурочка угадывала как я вернусь из Норвегии, почему-то подумала именно о таком маршруте, пришла, встречала, должна была встретить и вот – встретила!

Я сказал ей, что она замечательная, а она сказала, что я романтичен. Раньше я бы не поверил, но вот ей, теперь... а потом Елена взяла меня за руку, сказала, что ей срочно надо бежать и она обязательно мне позвонит, теперь же она

знает мой номер. Она встала и ушла, заплатила по счёту, послала мне воздушный поцелуй и, исчезла, словно и не было её. А я был пуст, как ваза без цветов, на верхней полке магазина, с которой даже пыль не вытирали много лет. Я вернулся домой, я открыл дверь и вошёл в уже тёмный холод квартиры, я же так и не закрыл окно. И холод этот злой, колючий, бесполезный, это был холод одиночества. Не знаю, сколько я простоял в тёмной прихожей, у двери, не знаю, долго. Потом я всё-таки закрыл все окна, переоделся и умыл лицо. Таким себя я в зеркале не видел, я постарел, осунулся и встретил на висках седую пару волосков. Киты, похоже с ними я прожил огромный кусок жизни, похоже, проживу ещё. И я пошёл к своим деревянным друзьям, других-то у меня не осталось.

И холод сковал меня словно цепи, и страх меня обнял, словно руки любимой, мягко так и с любовью, и время смеялось в соседней комнате, я знаю, надо мной! И мир превратился в мороз, в комочек дерева и, пах её духами. Пропал восемьсот четырнадцатый кит, он был из ореха, с полосками на животе, с полосками на хвосте, я звал его «хулиган», я даже вырезал для него малюсенькую кепочку и иногда надевал ему на голову и улыбался. А теперь его нет. Был да сплыл. Слезы наворачивались на глаза не только потому, что пропал Хулиган, но и от того, что я знал кто взял его с полки, кто стащил его, кто выстрелил романтику в спину. И я стоял, смотрел на его место и гладил иногда ладонью дерево

стеллажа. А потом я сел на кухню, выпить чаю, согрел воды, заварил в чашке Ассам и открыл ноутбук, залез в соц-сеть, открыл сообщение и застыл. Я читал: «Спасибо, ты всё-таки пришёл, это было круто! Море теперь другое, если однажды умрёт мировой океан, я знаю, к кому прийти на суше. Спасибо, друг. Прощай.» И надпись, что страница удалена, а вместо фотографии, голубая собачка. И стужа вокруг. Холод проник даже внутрь, внутрь пальцев, внутрь сердца, внутрь головы и, кажется, что даже внутрь души. Стужа проникла даже в чашку горячего чая. Время куда-то шло, солнце уже бросало первые лучи сквозь горизонт, люди уже спешили, когда я нашёл в себе силы чтобы согреться, силы, чтоб просто лечь спать. Так вдруг стали пропадать киты. И я похолодел от страха, а вдруг пропадут все в мире киты?

Когда я прощался с Мортеном, я спросил, что значит название его судна. Он ответил, что «Køye» на норвежском значит причал, он так назвал свой корабль, чтобы тот всегда находил дорогу в океане к причалу, не важно какому, не важно насколько родному, не важно насколько большому, главное, чтоб если не сможет сам Мортен, корабль сам приведёт его к суше. Мортен верил в это, а значит, для него это так. Пусть даже не в абсолюте, пусть даже в его личной вселенной, главное, что это точно так и будет. Главное – это верить!

И я проснулся днём, и солнце скупно грело землю, и я проснулся снова! Выпив чаю, съев заказанную пищу, я выключил телефон, зачем теперь он? Я вошёл в свою мастер-

скую, настроил свет, взял инструменты и брусок из кедра, мой новый кит, он будет замечательным, он будет восьмьсот семидесятым, тем, которым он и должен быть по нумерации, я не вернусь к восьмьсот четырнадцатому, то время прошло. И работа принесла облегчение.

И я покрыл тогда её, лаком, смотрел на неё, блестящую, задорную, смешную. И вдруг раздался телефонный резкий звонок, звонила ты, внезапно, через столько всего произошедшего, спустя столько вырезанных мной китов! И я ответил, зачем-то я тебе ответил. И мы молчали около минуты, и после ты, дрожащим голосом сказала мне: «Привет», и я тебе ответил тем же, глядя, как пропадает у неё улыбка, сверкающая в блеске лака, только что покрытая, смешная. И ты мне говорила, что уже так много утекло воды, так много в жизни поменялось, так безвозвратно пролетели годы. И ты сказала, что почти что всё забыла, поставила уже большую точку, повесила на дверь своей души большой замок. И ты сказала, что уже изъедена, как яблоко, червями, и ты сказала, что плевать, и ты сказала, что выходишь замуж, и ты сказала, что «Прости». И я, всё так же глядя на неё, уже как будто плачущую, прервал звонок, уставился в окно и долго думал о прошедшем времени и, думал – а куда оно ушло? И я думал – а зачем оно приходило? Неужели именно для того, что сейчас есть? И всё ли время ушло, быть может, если я всё ещё делаю то, что я делаю, моё время ещё ушло не всё?

Так было. С тех пор минуло множество китов, с тех пор уже и следов-то не видно, опилки одни, да стружка.

Я шёл за хлебом, считая звёзды на вечернем небе, люди брели домой, и все устали, кто-то на работе, кто-то от жизни, а я сегодня доделал отличную курительную трубку, через пару дней я вышлю её Мортену, в знак благодарности, да и просто хочется подарить ему трубку. И я вспоминаю всплеск океанской воды, гладкую спину кита, и вдруг, у меня на пути встаёт Елена, она плачет, по щекам текут слёзы, помада размазана, немного, но заметно, пальто её растёгнуто, под ним короткое платье, чёрное. От неё пахнет алкоголем. Елена протягивает мне руки, в них что-то есть. И я вижу своего кита! Она говорит мне невнятное что-то, я беру кита, а Елена падает на колени, чёрт побери, я чувствую боль, как сильно она упала на колени, мне кажется даже, что я услышал хруст её коленных чашечек! Чулки порвались, на асфальте кровь и слёзы! И я поднял её, она рыдала, что-то бормотала, теребила ворот моей куртки и слёзы вместо мелкого дождя мочили мою куртку. Я нёс её домой, я знал, что я перехожу рубеж, я чувствовал, как ноша легка, а за спиною то ли крылья, то ли Ангел обнимает.

Я аккуратно сушил её феном, эта самка кита была из можжевельника. Я травил её 25% раствором азотной кислоты и высушил, теперь пришла пора прогреть её феном. Всё это было сделано, чтоб эта красавица приобрела глубокий, мягкий коричневый цвет. И я чувствовал спокойствие, какое-то

умиротворение внутри себя, ни печали, ни хандры, лишь наслаждение работой, лишь увлечение, намерение сделать тысячу китов, намерение получить прощение, ведь то, что ты сказала мне тогда, ведь это не считается же правдой! Я накануне заглянул зачем-то на твою страницу в соцсети, так вышло, не специально, хоть я себя и не останавливал, не угваривал не жать на твою фотку, да что там, сделанного же не вернуть. Ты была красивая, тебе так шло это бело-розовое свадебное платье! И он – такой высокий, статный, с забавной бородой и вздёрнутыми вверх усами. Я битый час разглядывал тебя, лишь иногда переводил свой взгляд на восьмьсот четырнадцатого, он грустно на меня смотрел, он пожимал плечами, а потом он виновато отводил свой взгляд. И я отводил взгляд, я продолжал смотреть на твои свадебные фотографии, а на улице была уже ночь. А можжевельник – это уникальный материал, имеет высокую плотность, при этом очень гибок, твёрдость так вообще оптимальна для обработки резцами, ещё и не набухает в воде. Можжевеловую текстуру отличает необычный узор с волнистостями, а в поперечном срезе волшебная и причудливая красота годовых слоёв. А ещё он имеет множество оттенков. Быть может, восьмьсот сорок восемь, как её порядковый номер.

Мы лежали в темноте, довольные, усталые и слабые. Я не был с женщиной довольно долгий срок, да что там, много лет, и я уже успел забыть какое это чувство. На самом деле, это как... увидеть своими глазами в море кита!

Она плакала, пока я нёс её домой, и что-то бормотала, цеплялась мне за ворот, в глаза заглядывала и шептала мне «прости». Елена успокоилась лишь в тот момент, когда я дверь закрыл на замок и свет включил в прихожей. Она сидела на мягком пуфике понутив голову, стирая слёзы со щеки, то всхлипывая, а то и шмыгая забавным, розовеньким носом. Вообще, она была прекрасна в тот момент, как и в другие, впрочем, все моменты.

– Налить тебе быть может, чаю? – Спросил я.

– Да, – ответила она и в этом ответе, в той интонации была такая невообразимая печаль, что лишнего не надо, что ясно – её раскаяние – это не просто слёзы, не просто «Прости», она переживает это глубже чем кто-либо и много тяжелей меня.

И мы пили чай, я заварил в чашки ройбуш, и мы говорили о порванных колготках и разодранных коленях, она вылавливала, как и я, иголки ложечкой из чашки и складывала их на мокрую уже салфетку, и я выкладывал на ту же, те, что выловил из чашки я. Мы делали это так серьёзно и сосредоточенно, что это было до чёртиков смешно! И мы в итоге рассмеялись. Расхохотались, словно дети!

– Я – kleптоманка. – Сказала вдруг Елена, когда стих наш смех и наступила тишина. – И, кажется, что я в тебя влюбилась. Я это поняла, когда вдруг нестерпимо затрепетала душа и меня охватило паническое волнение, которое мог успокоить только он, – и Елена указала пальцем на полосатого во-

семьсот четырнадцатого, который был с нами, стоял на подоконнике и, кажется, тоже ждал чашечку чая.

Елена рассказывала мне, что она обнаружила в себе это где-то в четырнадцать лет, с первой кровью и депрессией по случаю того, что её картины не просто не выиграла в конкурсе, а даже не прошли дальше школы. Возможно, это и стало той самой реперной точкой, после которой в ней развилась эта неприятная болезнь. Тогда она, снедаемая тоскою и тревогой, стащила неосознанно у мамы золотые серьги. И как-то вдруг, ей стало тихо на душе, спокойно. Она легла, заснула с ними в сжатом кулаке, проснувшись лишь, когда её тряс кто-то за плечо и, маминым, знакомым, строгим голосом спросили не брала ли Лена её серьги. А Лена, испугавшись и спросонья ответила, что не брала. Потом вернула, через пару дней, потом, конечно же, скандал, и обвинения, и ругань, и дурацкие вопросы, на которые ни в коем случае не стоит отвечать. Так кажется в четырнадцать. Да и теперь не многим лучше. А потом наступило будущее, она повзрослела, почувствовала вкус побед и неудач, почувствовала вкус любви и расставания и, каждый раз, когда она терялась, тревожилась, разбитой души собирала осколки и сладкой сердечной тоски угрызения жизни мешали ей спать и свободно дышать, Елена шла в магазин и словно под гипнозом, что-то воровала. Всё понимала, чувствовала, знала, хватала что-то или тихо прятала в карман, свой клатч или в рукав. А как-то раз, на пляже, стянула у мужчины дорогие, с белым крести-

ком, часы, засунула их в лиф и по горячей гальке босиком... с глазами бешеными, судя по взглядам странным встречных ей людей. А после наступает дикая разрядка, как будто бы оргазм, и ты лежишь, накрытая успокоением и тёплым миром, что вокруг. И, всё что после – только лишь мелкие ступени к следующей вершине, к пику, снежному, холодному, с чужою мелочью в кармане. Вот и сейчас, тот полосатик, только лишь как илистое дно, которое дарует иллюзию того, что всё прошло и успокоилось. Но ил-то, он поднялся, и он вокруг, а то, что он осядет вновь на дно, не сделает тебя ни капельки счастливее, не исцелит, ведь он напоминает о ступенях, что вели на пик, напоминает о разрядке, да что там, о банальном воровстве! И первая ступень уж пройдена задолго до того, как ил осел на дно.

И ещё она сказала мне, что обманула меня, напридумывала небылиц про мужа, видимо, чувствуя перед ним свою вину, которая, конечно же присутствует, но всё же... Короче, он узнал об этом спустя два года после свадьбы, когда Елена на его глазах сунула в карман какую-то заколку в магазине сувениров, а после вышла молча и пошла по набережной прочь. Муж заплатил за безделушку, догнал Елену, за руку схватил, смотрел в её глаза и оба долго и растерянно молчали. И после был тяжёлый разговор и чуть не порванная справка, и на повышенных тонах угрозы. И он так и не смог смириться с её болезнью, он постоянно на неё кричал и обвинял в том, что Елена просто прячется за этой шир-

мой. Он так ей говорил. И как-то вечером он просто не пришёл, а утром позвонил, сказал, что будут разводиться. С тех пор она встречалась с ним всего лишь дважды. И после первой встречи она украла какую-то игрушку в детском магазине, тогда её схватил охранник за руку, пришлось платить, чтоб не попасть в полицию, потом в больницу. И это значило, что мужа, теперь почти что бывшего, она ещё всё любит. После второй их встречи, ей не хотелось ничего, даже стащить и даже, в детском магазине.

И мы допили ройбуш, Елена рассказала мне всё это и, вроде бы, истерика прошла. Она сказала, что ей пора домой пора доделывать проект и, встала, будто собралась на выход. И, я встал тоже, обнял её за плечи, вдохнул её аромат и сказал, что она до сих пор не видела всех моих китов, я сказал, что это будет последняя экскурсия, другого шанса не будет. И она осталась, она сказала, что хочет увидеть их всех, от первого и, до того, что ещё не обрёл свою форму. И мы с ней вошли в темноту. А восемьсот четырнадцатый так и остался ждать на подоконнике, когда ж ему предложат чашку чая, ну или, хоть вернуться к тем собратьям, что стояли рядом с ним на полке.

И как-то раз, ты встретила меня у моего подъезда, ждала несколько часов, сгорела до красна под солнцем и, даже несмотря на это, была всё так же хороша, как в тот день нашей первой встречи, на мутных посиделках у кого-то из дру-

зей, тогда там были все, кто мог прийти и, вроде, даже те, кто и не мог, но всё-таки пришёл. Мы пили что-то горькое и злое, кто-то курил, кто-то кого-то уводил куда-то, а мы сидели, друг напротив друга и строили друг другу глазки, кто во что горазд. Я вот не помню, во что тогда горазд был я, я помню только, что в прихожей, после резких диалогов, я наваял твоему, на тот день, бойфренду. Да, кто бы мог сейчас сказать, что в те года я мог так запросто вцепиться в шею голыми зубами, не говоря уже о том, чтобы содрать костяшки кулаков. Всё за тебя. И ты тогда, конечно же, ушла, конечно с ним, а как иначе? И мне запала в душу, я отыскал тебя спустя всего неделю, позвал тебя в кино, на то, что было, я угостил тебя мороженым, коктейлем и каким-то анекдотом. И перед расставанием я подарил тебе цветок, купил в ларьке, пока ты уминала бургер, сказал, что жду хотя бы поцелуя. И ты со смехом и с коварно красными щеками, всплеснув руками, скрылась за парадной дверью. И вскоре я позвал тебя к себе, я был настойчив, был влюблён. И вот, ты вновь стояла предо мной, такая милая, такая похудевшая, с печально виноватыми глазами, ты поздоровалась и, кажется, не знала, что же делать дальше. Мы сели на скамеечку и, под палящим солнцем, ты произнесла:

– Я тебя прощаю, если дело в этом. – Сказала ты и, кажется, твой голос дрогнул. – Ты победил, вернись ко мне, пожалуйста! – Теперь я чётко видел, как по щекам её стекали слёзы. – Не надо тысячи китов.

– Нет, дело не в этом, – ответил я, – уже не в этом. – И я чувствовал себя предателем, мне было больно смотреть на тебя, ведь ты сломалась, ты предала сама себя, ты отошла от принципов, наверное, ты потеряла себя, где-то в этой ловушке с китами. Ты поняла нелепость своего каприза, ты поняла несоответствие того, на что себя сама ты обрекла, с тем, в чём я был неправ. Я не снимаю с себя той вины и именно поэтому я доведу всё до логического завершения, до тысячи китов. – Потерпи ещё немного, осталось чуть-чуть, гораздо меньше, чем уже прошло. – Сказал я тебе и погладил по голове. И после встал, чтобы идти домой, мне нужно было работать.

– Постой! – остановила меня ты. – Вернись, пожалуйста, сядь рядышком со мной, ещё на несколько минут.

И я вернулся, пересилил себя, вернулся. В твоём голосе было отчаяние, в твоём голосе, наверное, не было больше надежды. Я сел рядом и посмотрел туда, где небо.

– Когда ты ушёл, я думала, что всё делаю правильно, ведь ты... ты сделал то, что ты сделал. И я чувствовала себя победителем, я думала, что накажу тебя, что невозможное – это лучшее наказание, которое может быть. Я чувствовала свободу и силу, я верила в то, что делаю, я ждала, когда раздастся звонок и ты скажешь мне какую-либо чушь, ты упадёшь, допустим, на колени, попросить вновь прощения и, я великодушно, толкнув что-нибудь пафосное о предательстве, прошу тебя. Да, я хотела быть твоей хозяйкой. Но время шло,

а ты всё не звонил, не приходил, не возвращался и, не говорил: «Прости». И, как-то утром, я вдруг поняла, что поступила словно дура, эгоистичная, взбалмошная дура! Я показала тебе, что не люблю тебя, хоть это было с точностью наоборот, я проявила жестокость, я поступила хуже, чем ты! И если ты всего лишь поддался искушению, то я своим поступком предала любовь! И мне так было больно и противно, мне было одиноко и такая слякоть на душе! Тогда я поняла, как сильно я тебя люблю, тогда ко мне пришёл страх тебя потерять насовсем. – Ты замолчала, сдерживая слёзы.

– Теперь у тебя есть муж, наверно ты нашла того, кто не поддастся даже искушению. – Зачем-то вставил я жесткие слова.

– И я не знала, что ты делаешь и что с тобой, ты на мои звонки не отвечал, ты не пускал меня в свой дом, ты словно бы стремился исчезнуть, пропасть, убежать навсегда из этого мира. – Ты говорила, будто, не услышав моей фразы. – А я томила в ожидании, варила в собственном соку из мыслей. И я уже не знала, кто кого наказывает и за что. Я знала только, что мы оба не правы, как два барана на мосту. Ещё я знала, что ты стал моим хозяином. И я решила выйти замуж. Всё это было как в бреду, я тыкалась слепым котёнком в разные места, искала сильных или слабых, красивых и, каких-нибудь нелепых, зелёных, спелых и гнилых, ну хоть кого-то, кто не вызывал бы раздражения, или хотя бы я могла бы провести чуть больше, чем несколько тягучих дней. Ты

знаешь, я могу сложить из всех них знатную дорогу, быть может даже до Москвы. Да, я запуталась, увязла в этой гадостной трясине, я чувствовала грязь, она с меня стекала, как вода, я выходила на балкон, на крыши, я вглядывалась в небеса, а небеса молчали, рядом не было тебя. Он появился как-то случайно, будто бы сам по себе, будто бы он был всегда, просто где-то за спиной. И с ним вроде тихо, не раздражает, не бесит, не хочется убежать, держать поводок или выть на луну, но... он же – не ты! И я в ловушке, я не знаю, что я делаю, зачем и почему! Ещё я не понимаю тебя. Совсем. Так было всегда или стало только после того, как я ушла?

– Не задавай неправильных вопросов, тебе же могут ответить. – Сказал я тебе.

– Ты вернёшься? – Спросила ты, сверкнув слезинками в глазах.

– Скоро ты увидишь тысячу китов, – ответил я и, поцеловав тебя в красный от переизбытка ультрафиолета лоб, пошёл домой.

И я поднялся в квартиру, прошёл на кухню и меня накрыло. Меня пробила дрожь, такая мелкая, противная, сопровождаемая потом и частым, коротким дыханьем. Ноги ватными стали, я упал на табурет, я выпил стакан воды. Что мы делаем, что с нами стало, кто мы? На город опустился вечер, я выпил сорок три стакана чая, может быть, я думал о прошедшем времени, о правде, о тебе, снова о времени и о китах. Я вышел с кухни и пришёл в кладовку. Они смотрели

на меня своими маленькими глазками, подмигивая, плача, с интересом или отрешённо. И я смотрел на них и задавал вопросы им о времени, о сути и о том, зачем они? И не было ответа мне, ведь дерево не может говорить. По крайней мере, в том смысле, в котором это мы подразумеваем. И даже мысль была, к чертям разбить их всех, чтоб всё с начала, чтоб всё забыть, чтоб не закончить никогда, чтоб просто жить, чтоб вырезать, искать материал, придумывать, работать, чтоб навсегда, чтоб бесконечна цель, чтоб не было задачи. И я себя остановил, всё неспроста, ведь всё имеет смысл, все пути ведут куда-то. То, что мы выбрали, мы уже выбрали, иного значит, быть и не должно. И я ушёл, взял в руки инструменты, взял клён и начал резать замечательную самку, или самца, пока что я ещё не знал.

И я был ошарашен, смотрел глазами, вышедшим, наверное, из орбит. Я стоял пришибленным сусликом, смотрел вокруг, а во мне бурлила энергия и что-то воодушевлённое терзало мне нутро! Я всматривался в полотна Мунка, их здесь так много! Я смотрел на эту девушку, с цветными глазами, словно у мухи, я страшился её взгляда, я бежал от неё, я был восхищён этой статуей, с головой чайки на талии женщины, и снова возвращаешься воспоминаниями к «Утренней прогулке зомби», к волшебным девушкам и странным современным инсталляциям. И я хотел стать частью этого. Я вышел переполненный эмоций, чувств, идей! Я поглядел на часы, я

провёл в KODE больше четырёх часов. Я опоздал на автобус, я опоздал на самолёт. Да ну и пусть! Такое видишь не всегда, такие ощущения не каждый день, такое нужно увидеть, такое нужно пережить! Норвегия, ведь до Синего кита, я о тебе не знал, ты удивляешь меня, спасибо!

А утром Елена ушла, закрыла за собою дверь и будто забрала с собой частичку этого дома, частичку меня. Я лежал и думал о последних месяцах жизни, они вместили в себя столько событий, сколько не было за всю предыдущую жизнь! И я подумал, что этот небольшой отрезок и есть тот самый, правильный путь, который я нашёл, благодаря тому, сто лет назад, случившемуся недоразумению с гормонами, всё было правильно, всё так и быть должно, только, узнал об этом я вот только-только, когда ушла Елена. Я сбегал в магазин, вдруг дико захотелось кофе! Вернулся, заварил и долго пил, смакуя, наслаждаясь ароматом. Потом я сел за стол и стал набрасывать эскизы, а ближе к вечеру, после прогулки и в кафе обеда, я сел в своей родной, уютной мастерской, что оборудована на утеплённой лоджии.

Вечер. Уж солнце садится, прячутся птицы, длиннее становятся тени, короче становятся звуки, того и гляди, на небо из мутной реки, что течёт под окном, вдруг вынырнет шустро луна. Склоняется день, под тяжестью прожитых, одинаковых, словно армия клонов, часов, уж скоро стемнеет, уж скоро. А мне ещё нужно успеть закончить строгать, ещё нужно успеть доделать работу. Я не люблю оставлять на потом то,

что можно сделать сегодня, сейчас, иначе даёшь себе шанс не успеть, даёшь себе шанс оправдаться, даёшь себе шанс не вернуться, забыть, изменить и вместе с тем – потерять. Да, жизнь такая, нельзя себе давать поблажек, нельзя, иначе можно вдруг остаться без всего, остаться с деревом один на один, остаться в куче стружек и опилок, словно папа Карло, словно дровосек без сердца, словно сам, как Буратино. Это всё было буквально вчера, когда мир был не так светел и полон надежд на то, что всё ещё будет хорошо, что вернётся смысл и восемьсот четырнадцатый и, Елена.

И я начал вырезать девятьсот первого кита, из берёзы, на этот раз, то будет взрослый кит, возможно я приделаю ему усы, возможно, я вложу в его рот курительную трубку, быть может, нацеплю ему очки. Я верю, что мне ещё удастся вернуть моё время, не время само, а то, что упущено было за время пути. Я вижу финиш, смотрю на прямую, уже где-то вдали сверкают огни, то ли залпы салютов, то ли в конце тоннеля призрачный свет.

Но всё это было до того, как я вернулся в мастерскую, свободную от бремени прежнего времени, от стружки, опилок и запаха лака. До того, как там стало чисто, свободно, всё по местам, даже как-то прохладно и немного тоскливо. До того, как я набрал твой номер и сказал, что нам непременно надо увидеться, лучше вдвоём и лучше одеться как-то красивее, ведь это будет самый волшебный день! И ты

дышала в трубку часто, очень часто и, кажется, срывалась даже, стирала слёзы кулаком и, что-то бормотала, выбирая платье! Но это вновь моё воображение, что было после завершения звонка, конечно, я не знаю. А я не мог дожидаться той субботы, когда откроется уж, моя выставка китов! Ведь я не мог собрать их всех, от мала до велика и притащить тебе под окна и вывалить, крича «Смотри!», как в детстве. Быть может, в юности всё так и было бы, да что там, по началу я ведь думал, что так именно и сделаю! Но время, опыт и что-то, что наполнило мозги, быть может разум, быть может мудрость, а может просто стал смотреть на жизнь я по-другому. Да и к тому же, это же объём немалый! Я думал, что же делать, где арендовать мне помещение, ещё задолго, где-то за десяток до конца, китов. На выручку пришла Елена, она же чёрт возьми, дизайнер! Елена с кем-то долго вела диалог, носила куда-то разных китов, договаривалась с кем-то, очень уставала, злилась и вот, однажды, когда осталось сделать только три кита, Елена радостная ворвалась ко мне и закричала, что всё наконец-то утряслось, срослось и получилось! Мы были рады, даже и не знаю кто же больше из нас всех! Одно немного огорчало, премьеру назначили через три месяца, когда уже будет цвести черёмуха, но меня это расстроить не могло, я очень долго ждал, я научился ждать давно, меня не испугаешь ожиданием, меня лишь можно напугать отсутствием конечной цели. А цели есть, теперь их даже не одна!

Это всё было до того, как я отправил в Норвегию бандероль с трубкой для Мортена и сувенирной футболкой для Коли. Ещё я им послал по маленькому деревянному киту, вырезанным специально для них. И до того, как мне пришла ответная посылка, буквально через несколько недель, а в ней красивый кейс из красного дерева, с волшебным тонким узором, явно ручная работа, мне до такой ещё тренироваться и тренироваться, внутри него, какие-то бумаги, похоже, что какие-то официальные, некоторые с печатями. А ещё там лежало письмо, в обычном конверте, с видом на Берген. Я чувствовал себя, как будто это был не я, мне казалось, что я вдруг стал жить жизнью кого-то другого, но той самой жизнью, которой я жить хотел, когда-то давно, в другое время, с другими людьми вокруг. Я даже чувствовал слёзы в глазах, но волю им я не дал, мне было немного стыдно перед бабушками, что стоят за пенсиями и выплатами какими-то, они так странно на меня смотрели, то ли с завистью, то ли с сожалением. Я всё свернул, сложил в коробку, сунул в пакет и пошёл домой. Жаль только, думал я, что все бумаги на норвежском.

Это всё было до того, как я приобрёл себе настоящую мастерскую, не то, что у меня в квартире, в комнате с окном на юг, в одном углу станочек и верстак, в другом покрасочная, в третьем сушилка, в четвёртом табурет и откидной столик для стакана сока или чая с бутербродом. А в середине, прямо на полу, стружки и опилки, пыль и капли лака. Те-

перь же у меня есть полноценная мастерская, просторная, под самой крышей, с окошком в небо, с шикарным рабочим местом, где всё на месте, прямо под рукой, с новыми инструментами и, шикарным стеллажом! И в общем-то не далеко от дома, всего-то в двух трамвайных остановках! Конечно же, всё что внутри, от входной двери, обоев, мебели, до клюкарзов, стамесок и ложкорезов, это всё приобретала для меня Елена, она мечтала применить свои профессиональные навыки для моей мастерской. Единственное, основные инструменты и станок, мы выбирали вместе. И ещё я сам купил тиски и струбцины. Ещё там есть книжный стеллаж и уголок с чайником, чайной парой и печенюшками. Есть ещё аудиосистема, но, я редко включаю музыку. Та, что ты помнишь, уже не актуальна, а после Норвегии, мне кажется, что музыку стоит слушать только в особенных случаях. Тогда, в Бергене, я, опоздав, к чертям, на самолёт, брёл по улицам города, считая шаги и думал о том, что бы я сейчас с удовольствием съел. В странном, серо-розовом свете бергенского дня, склоняющегося к вечеру, я шёл, представляя себе следующий свой день, когда меня кто-то то похлопал по плечу. И я узнал эти хлопки, то же чувство, те же руки. Я обернулся и мне широко улыбался Мортен. Узнав о моей ситуации, Мортен улыбнулся ещё шире и сильнее похлопал меня по плечу.

– Значит, так надо! – сказал он мне, – раз уж ты остался здесь ещё на некоторое время, то давай уж, наполни время

смыслом! Хочешь, я покажу тебе волшебное место?

– Ещё бы! – воодушевлённо ответил я, чуть не криком. – Только можно, я что-нибудь перекушу?

Мортен посмотрел на часы, что-то прикинул и ответил:

– Давай пойдём к автобусу, а по пути купишь себе что-нибудь, хорошо?

– Давай, а куда мы поедём?

– В Тролльхауген. Это недалеко, пешком можно дойти, но лучше всё же на автобусе. Отправление через тридцать семь минут.

– А что там в этом Тролльчтототам? – Спросил я вослед уже удаляющемуся старичку.

– Там место, где становишься мудрее и чище. – Ответил он. И так ответил, что во мне завертелось странное ощущение, желание, не пойми что завертелось во мне! Я вдруг подумал, что было бы так прекрасно, чтобы этот человек, вдруг оказался бы чудом спасшимся моим отцом! Тогда я бы простил ему всё, точно бы простил, ведь один кит стоит тысячи обид! Глядя на кита, ты понимаешь, насколько ты мелок, насколько мелки и все наши обиды, всё это так нелепо в конечном итоге. Жизнь она такая, какая она есть и ничего с ней не поделать, если человек решил уйти, он обязательно уйдёт, вопрос только, в какую сторону.

Спустя час наш автобус остановился среди прекрасных пейзажей осенней Норвегии. Наш путь начался у странной стеллы, видимо, изображавшей чей-то профиль. Мы, с груп-

пой туристов, маленькой группой, шли по тропе меж поросших мхом вязов, корявых, узловатых, словно пальцы старухи, через канавку, в которой плавали опавшие листья, по мостику, словно из сказки, скандинавской, доброй. И вот, мы подошли к прекрасному зданию в викторианском стиле, с жёлтыми стенами и коричневой крышей, вокруг была красивейшая норвежская природа, насыщенная красками и душевным теплом, другого слова мне даже не приходит в голову!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.